

0-775528

На правах рукописи

ГАРЯЕВ РИФ НАИЛОВИЧ

**КАТЕГОРИИ ЧИСЛА И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИМЕНИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тобольск 2009

Работа выполнена на кафедре татарского языка, литературы и МП
ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт
им. Д.И. Менделеева»

**Научный
руководитель**

кандидат филологических наук, доцент
Хабибов Лутфулла Гайфулович

**Официальные
оппоненты:**

доктор филологических наук, академик
Закиев Мирфатых Закиевич

доктор филологических наук, профессор
Хакимзянов Фарид Сабирзянович

Ведущее учреждение:

**Елабужский государственный
педагогический университет**

Защита диссертации состоится «11» апреля 2009 г. в 09.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета ДМ 212.316.01 по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык) в Тобольском государственном педагогическом институте имени Д.И. Менделеева по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева» по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ТГПИ им. Д.И. Менделеева «10» марта 2009 года. Режим доступа: <http://www.tobgpi.ru/info/nauka/aspirantura>.

Автореферат разослан «10» марта 2009 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000506817

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент*

Ф.С. Сайфулина

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Проблема изучения и установления генезиса аффиксальных морфем некоторых категорий имени существительного тюркских языков (в том числе и татарского) представляет собой одну из актуальнейших проблем для современного этапа развития тюркологии и урало-алтаистики.

Исследования в отечественной и зарубежной тюркологии последних десятилетий значительно расширили возможности для ведения научных изысканий в области истории отдельного языка или группы языков. Этот период в развитии языковедческой мысли ознаменовался напряженным поиском новых приемов и методов исследования на более высоком теоретическом уровне, чем в предыдущие этапы становления науки о тюркских языках.

Многими современными исследователями признается одним из перспективных направлений в области изучения грамматического строя тюркских языков так называемые функциональный, функционально-семантический подходы к явлению языка. Новейшие достижения исторической тюркологии отражены в научных трудах А.Н. Кононова (1956; 1960), Э.В. Севортян (1962; 1966), С.Н. Иванова (1969), Г. Айдарова (1971), Дж.Г. Киекбаева (1972; 1996), Б.А. Серебrenникова и Н.З. Гаджиевой (1979; 1983), Э.Р. Тенишева (1976), А.М. Щербака (1977), Н.А. Баскакова (1979), И.В. Кормушина (1984), В.М. Насилова (1989), М.З. Закиева (1995), А.Г. Шайхулова (2000), В.А. Андреева (2000), А.В. Дыбо (2007) и др.

На необходимость изучения грамматических категорий тюркских языков в функциональном аспекте во взаимодействии с контекстом обращал внимание Э.В. Севортян (1970).

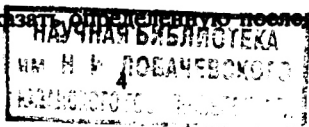
Следует также отметить, что в течение последних десятилетий была проделана большая работа в плане сравнительно-исторического изучения грамматики и лексики тюркских языков коллективом московских тюркологов

во главе с членом-корреспондентом РАН Э.Р. Тенишевым [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1984, 1988, 1997, 2002, 2006]. Вместе с тем, ряд изысканий по проблемам исторической грамматики тюркских языков сводится к описанию языковых особенностей письменных памятников в их соотношении с языковыми явлениями современных языков.

На наш взгляд, это затрудняет исследование грамматических явлений в процессе их исторического развития на современном этапе. Поэтому все большее научное и практическое значение приобретают исследования истории развития форм и аффиксов грамматических категорий отдельных языков, а также групп и семей языков (например, тюркских, монгольских, тунгусских, уральских). В настоящей работе исследование категорий числа и посессивности проводится в функционально-семантическом аспекте. Попытки системного описания морфологических категорий именных частей речи и глагола как в татарском языкознании (Л.З. Залляй), так и в других областях тюркологии основаны главным образом на бинарно-дихотомическом принципе, который, на наш взгляд, не обеспечивает системного, более осмысленного представления многообразия функционирования этих категорий.

Категория числа и принадлежности в исследуемом языке представляет собой как основные структурные словоизменительных категории, так и правильную интерпретацию сущности, которая может положительно способствовать теоретическому осмыслению и других грамматических категорий языка [См.: Серебренников 1957; Иванов 1969; Гузев 1986, 1990; Андреев 2000].

В силу этого, актуальность проблемы диссертационной работы очевидна. Впервые в татарском языкознании происхождение и дальнейшее развитие показателей категорий числа и принадлежности имени существительного рассматривается на примерах не только из тюркских, но и алтайских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также уральских (марийский, удмуртский и др.) языков и их диалектов. Собранный материал дает возможность объективно показать определенную последовательность процесса

развития аффиксов множественного числа и принадлежности в диахронии в татарском и в других тюркских языках.

Степень изученности темы. Первым опытом исторической морфологии татарского языка следует считать исследование профессора Л.З. Заляя «Татар диалектологиясе» («Татарская диалектология») [Заляй 1947] и его же «Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар» («Материалы по исторической фонетике татарского языка») [Заляй 1954]. В них автор выясняет происхождение форм морфологических категорий некоторых знаменательных частей речи путем сравнений и идентификации с другими тюркскими языками, подтверждая это данными древнетюркского языка. В 2000 году вышла книга Л.З. Заляя «Татар теленең тарихи морфологиясе (очерктар)» («Историческая морфология татарского языка (черты)»), где собраны и систематизированы очерки, анализирующие исторический путь развития форм и аффиксов морфологических категорий именных частей речи и глагола.

В работе Х.Ч. Алишиной «Тоболо-Иртышский диалект языка сибирских татар» (1994) описывается аналитико-синтетический способ выражения значения принадлежности в диалектах языка сибирских татар. Данное значение выражается с помощью местоимений, имен существительных, снабженных аффиксами *-ныкы/-неке, -ныңкы/-неңке*. Эта форма употребляется в функции определения, заменяет собой форму родительного падежа в составе изафетной конструкции: *Анавы кыс-ныкы китабы* (Книга той девушки).

В монографии А.Г. Шайхулова описывается семантическое развитие односложных корневых основ в кыпчакских языках, а также анализируются однофонемные показатели, участвующие в развитии морфологической структуры новых слов и некоторых словоформ [Шайхулов 2000].

Вместе с тем, морфологические категории имени существительного стали предметом специального исследования лишь в последние годы. Так, в 2004 году вышла монография Р.Ф. Фаттаховой «Категория числа в современном татарском литературном языке», где освещаются общетеоретические вопросы относительно категории числа, раскрываются

грамматические и лексические особенности выражения количественности (множественности), а также освещается вопрос генезиса морфологического показателя множественного числа *-лар*, где поддерживается автором гипотеза о двусоставности тюркского (в том числе и татарского) аффикса *-лар*.

Проблема изучения сущности, языковой выраженности категории определенности-неопределенности, а также категории посессивности являлись предметом и объектом научных исследований в славянских и балканских языках [Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках 1979; Категория посессивности в славянских и балканских языках 1989].

Целью диссертационного исследования является изучение генезиса и развития показателей категорий числа и принадлежности имени существительного в татарском языке, попытка реконструкции их начальных форм.

Для достижения данной цели ставились следующие задачи:

- показать историографию изучения проблемы в тюркологии и в татарском языкознании;
- исследовать и реконструировать процесс становления современных аффиксов множественного числа в татарском языке;
- исследовать происхождение аффиксальных морфем категории принадлежности в татарском языке.

Объектом исследования является становление формообразующих морфем категорий количественности и принадлежности в татарском языке.

Предметом исследования являются происхождение и развитие показателей множественного числа, а также аффиксов принадлежности имени существительного татарского языка в сравнении с другими тюркскими, алтайскими и уральскими языками.

Методологическую основу исследования составляют учение и категории диалектической логики, выражающееся в следующих конкретных методологических принципах: принцип системности; принцип относительности; принцип субстанциальности; принцип противоречивости

[Иванов 1969: 26; Андреев 2000: 11-12]. Пользуясь случаем, выражаем слова благодарности профессору А.Г. Шайхулову за конкретизацию отдельных акцентов и методологических установок.

Наш подход к решению проблемы происхождения и развития показателей исследуемых категорий основывается на положениях, выдвинутых такими известными учеными в тюркологии и урало-алтаистике, как А.Н. Кононов, Г.Ф. Благава, Б.А. Серебренников, Дж.Г. Киекбаев, Э.Р. Тенишев, С.Н. Иванов, Гаджихмедов, А.В. Дыбо, И.А. Андреев.

Важный этап в создании исторической морфологии татарского и башкирского языков представляют научные публикации В.Х. Хакова (1965, 2003), Э.Н. Наджиба (1971), А.Х. Нуриевой (1975, 1980, 1984), Ф.С. Хакимзянова (1987), Р.Г. Ахметьянова (1989), а также А.М. Азнабаева, В.Ш. Псянчина (1976, 1983) и др., в которых предлагается этимология формообразующих аффиксов. Много нового в подходах к решению истории форм аффиксов тех или иных морфологических категорий можно найти в работах по алтаистике и сравнительной тюркологии, принадлежащих перу известных зарубежных и отечественных исследователей, таких как Н.К. Дмитриев (1948), В.А. Богородицкий (1953), М. Ряснен (1955), Г. Рамстедт (1957), В. Котвич (1962), Э.В. Севортян (1966), А.Н. Кононов (1969; 1980), Дж.Г. Киекбаев (1972), Б.А. Серебренников (1974), Э.Р. Тенишев (1976), А.М. Щербак (1977), Н.А. Баскаков (1979) и др.

Представляющими несомненный интерес, на наш взгляд, являются теоретические положения, изложенные в сравнительно-исторических и историко-типологических исследованиях И.В. Кормушина и В.М. Насилова (1984), С.Н. Иванова (1969 и др.), А.Г. Шайхулова (2000; 2007), В.А. Андреева (2000), Л.Г. Хабибова (2007; 2008), где обнаруживается широкое привлечение материала из алтайских и уральских языков. Несмотря на это, до сих пор по данной проблеме отсутствует монографическое исследование, освещающее происхождение и развитие показателей категорий числа и принадлежности в татарском языке.

Методы исследования. Для достижения поставленной в диссертационной работе цели были использованы такие исследовательские методы, как описательный, сравнительно-исторический (компаративный), структурно-морфологический и метод компонентного анализа.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые на основе функционально-семантического подхода к явлениям языка в татарской лингвистической науке исследуются аспекты становления показателей категорий числа и принадлежности, что с методологической позиции подтверждает идею происхождения и фузионного развития отдельных грамматических категорий агглютинативного строя языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что использование идеи плеонастического сращения древнейших показателей морфологических категорий числа и принадлежности предоставляет возможность определить, какую роль выполнял каждый отдельный грамматический показатель в составе ныне функционирующей морфемы.

Практическая значимость работы определяется тем, что её результаты могут внести определенный вклад в разработку вопросов исторического развития татарского языка. Материалы могут быть использованы в преподавании курсов «Историческая грамматика татарского языка», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» и ряда спецкурсов по проблемам истории татарского литературного языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В татарском языке (в отличие от индоевропейских языков) категория определенности-неопределенности выражается другими (фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими) средствами.

2. Аффикс множественного числа *-лар* имени существительного татарского языка и других тюркских языков не возник путем присоединения и превращения полнозначного слова *нар* со значением «совокупность» в аффикс, а образовался путем постепенного наращивания древних однофонемных показателей множественности и неопределенности по мере утраты значения

каждого предыдущего показателя, а именно, к основе имен существительных сперва присоединился показатель *-л* (общеалтайский показатель множественного числа), к нему наращивался показатель неопределенности и множественности *-а*, затем общеалтайский показатель множественности *-р*: *-л-а-р = -лар*.

3. Форма принадлежности первого и второго лица единственного числа образовалась путем сращения к основе показателя определенности *-м* и *-ң* (кул-ым «моя рука» и кул-ың «твоя рука»), а форма множественного числа – прибавлением показателей множественности *-з* к основе с показателем единственного числа на *-м* (*-б*), *-ң* (*-г*): кул-ыб-ыз (кул-ым-ыз) «наши руки», кул-ыг-ыз (кул-ың-ыз) «ваши руки». Как показатель определенности выступает аффикс принадлежности третьего лица *-ы*, который является одновременно показателем винительного падежа в огузских языках в словах с конечным согласным (*ат-ы* «коня» и *ат-ы* «его коня»).

4. Показатель множественности *-к*, соединяясь с другим показателем собирательной множественности *-л*, образовал сложный аффикс *-лык*, выражающий обилие однородных предметов: *каен-лык* «березняк», *имән-лек* «дубрава, дубняк» и др.

Апробация работы. Основные результаты исследования были апробированы в форме докладов на ежегодных итоговых научных конференциях Башкирского государственного педагогического университета имени Мифтахетдина Акмуллы в 2006-2008 гг. Отдельные положения диссертационного исследования были также представлены в виде докладов на Всероссийских научно-практических конференциях «Филологическая наука конца XX – начала XXI вв. Проблемы, опыт, исследования, перспективы» (Елабуга, 2007) и «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке» (Тобольск, 2008).

По теме диссертации опубликовано 10 научных работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается выбор темы, актуальность ее изучения, определяется научная новизна исследования, формулируются цель и задачи работы, дается характеристика объекта и предмета исследования, обозначаются методологическая база и методы исследования, раскрывается теоретическая значимость работы, освещается степень изученности проблемы.

Первая глава – «Историография проблемы в контексте теории определенности и неопределенности» – включает в себя три параграфа.

В первом параграфе – «Сущность и логико-грамматическая характеристика категории определенности-неопределенности» – рассматривается понятие и сущность категории определенности-неопределенности. По утверждению многих исследователей, категория определенности-неопределенности присуща только западноевропейским языкам, также указывается на ее неразвитость в урало-алтайских, в том числе и в тюркских языках [Рясянен 1955: 17]. Такой общепризнанный подход к рассматриваемому вопросу впервые пересматривался профессором Дж.Г. Киекбаевым. В ряде своих статей он подверг сомнению подобный подход [Киекбаев 1965: 104; 1966: 175-190]. В частности, автор высказывает взгляд на явление определенности и неопределенности, прежде всего как на логическую категорию, отражающуюся «...в сознании всех людей одинаково...» и находящую «...свое конкретное грамматическое выражение в разных языках в разнообразной форме...» [Киекбаев 1966: 248-249].

Разъясняя суть понятий определенности и неопределенности, Дж.Г. Киекбаев отмечает, что «...сущность грамматической категории определенности-неопределенности в урало-алтайских языках сводилась, в основном, к артиклю и тем самым подход к этой грамматической категории был узкоконтекстовым. В сущности же дело заключается вовсе не в артикле как препозитивной или постпозитивной частице, а в самой идее определенности и неопределенности, которая основана на принципе противопоставления определенных и неопределенных предметов и явлений в окружающей нас действительности. В

этом плане идея определенности и неопределенности тесно связана с мыслительной деятельностью человека» [Киекбаев 1972: 76-77]. Как известно, в тюркских языках отсутствуют артикли, являющиеся средствами выражения понятий определенности и неопределенности, поэтому в них должны формироваться другие средства, выражающие эти понятия. На основе этого Дж.Г. Киекбаев выявил в урало-алтайских языках лексические, фонетические, морфологические, синтаксические средства для выражения этих понятий [Киекбаев 1966: 248-249]. Данный объективный вывод этого исследователя оформился в так называемую «Теорию определенности и неопределенности», благодаря которой успешно разработаны вопросы исторической и сравнительной грамматики тюркских языков, а также выдвинута гипотеза о генетическом и типологическом родстве урало-алтайских языков [Киекбаев 1967; 1972].

Как и во всех урало-алтайских языках, в татарском языке выраженное именем существительным прямое дополнение всегда находится перед сказуемым и имеет форму неопределенного винительного падежа: *Апа су керте* (Сестра заносит воду, досл. «Сестра вода вносит»). *Ул җиләк җыя* (Он собирает ягоды, досл. «Он ягода собирает»). Собранный нами материал показывает, что аналогичное явление наблюдается во всех урало-алтайских языках. На одинаковость форм винительного падежа и именительного падежа обратил внимание Д.В. Бубрих, который пишет, что в эрзянском языке «...винительный падеж сходствует с именительным в том случае, если предмет мыслится как неопределенный (какой-то)»: *Неян кудо* (Вижу какой-то дом) [Бубрих 1953: 40]. Благодаря теории определенности и неопределенности объяснимы причины многих языковых явлений. Наблюдения показывают, что в татарском и башкирском языках (а также в других алтайских, шире – уральских языках) функцию неопределенного артикля часто выполняет нулевой аффикс. Этим, на наш взгляд, объясняется наличие определенных и неопределенных падежных форм одного и того же падежа в

агглютинативных языках. Например, в татарском языке притяжательный, винительный, направительный падежи имеют две формы, выражающие определенность или неопределенность предмета. Ср.: *этинец сәгате – эти сәгате*; *Мин китап эзлим. – Мин китапны укыдым*; *Алар шәһәргә киттеләр. – Алар шәһәр баралар* (диал.).

Во втором параграфе – «Грамматические средства, выражающие категорию определенности-неопределенности в татарском языке» – рассматриваются лексико-грамматические средства выражения категории определенности-неопределенности.

По утверждению Дж.Г. Киекбаева, широкие гласные нижнего подъема -а, -э в алтайских языках (в том числе – в татарском) служат для выражения понятия неопределенности, а остальные полуширокие и узкие – определенности. По нему «...в личных местоимениях некоторых урало-алтайских языков идея множественности-неопределенности грамматически выражается путем замены узких передних гласных широким или задним» [Киекбаев 1972: 96]. Ср. догурское *би* (я) – *баа* (мы), *ин* (он) – *ан* (они). Замена узкого гласного широким наблюдается и в местоимениях татарского языка: *ул* (он) – *алар* (они). Как видно, форма единственного числа личных местоимений связана с понятием определенности, а форма множественного числа – с понятием неопределенности: *мин* (я), *син* (ты), *ул* (он) – конкретное лицо (человек), *без* (мы), *сез* (вы), *алар* (они) – сколько лиц (людей), нам неизвестно.

Теорией определенности и неопределенности можно объяснить и синтаксическое явление, заключающееся в частом отсутствии согласования подлежащего и сказуемого в числе: *Хатлар язылды* (Письма писались, досл. «Письма писалось»). *Нәтиҗаләр булмады* (Результаты не получились, досл. «Результаты не получился»). В современном татарском языке невозможны конструкции типа: *Хатлар язылдылар. Нәтиҗаләр булмадылар* и т.д. Подлежащее в этих предложениях выражено именем существительным со значением неопределенного множества: *хатлар* (письма), *нәтиҗаләр* (результаты).

В татарском языке, как и во всех тюркских языках, неопределенное состояние предмета, обозначенного существительным, выражается с помощью многозначного слова *бер* (один; некий; какой-то), часто выступающего к этому существительному определением. Например: *Бер хикәят килде телемә* (Кисекбаш) (Одна (некая) история пришла мне на язык). *Гәүдәм илә уелымны бер дию ашады* (Кисекбаш) (Один (некий) див съел мое тело и моего сына). На неопределенность предмета также указывают и неопределенные местоимения *ниндидер* (какой-то), *алла кем* (кто-то), *алла нәрсә* (что-то). Например: *Ниндидер кечкенә малай тегеләргә капка ачты* (И. Гази) (Какой-то маленький мальчик открыл им ворота).

Неопределенности, выраженной словом *бер*, противопоставляется определенность, показателями которой выступают: а) указательные местоимения *бу*, *шушы*, *ул*, *шул* «этот, тот»; б) личные местоимения; в) аффиксы принадлежности; г) имена прилагательные на *-дагы*.

Значение определенности или неопределенности предметов выражается и путем изменения порядка слов (места прямого дополнения) в предложении. В предложении *Мин китап укыйм* речь идет о неопределенной, любой книге. Если изменить порядок слов в этом предложении, то слово *китап* (книга) принимает аффикс определенного винительного падежа, и становится определенным: *Китапны мин укыйм*. Здесь невозможен вариант: *Китап мин укыйм*. Данный способ выражения определенности или неопределенности предметов и явлений называется синтаксическим.

В третьем параграфе – «Историография проблемы и новый подход в объяснении происхождения показателей числа и принадлежности» – дается хронологическое описание изученности категории числа и принадлежности (посессивности) в тюркологии и в татарском языкознании. В нем также предлагается новый подход в объяснении процесса становления показателей числа и принадлежности во многих тюркских языках, в том числе и в татарском языке в свете теории определенности и неопределенности. Проблема генезиса показателей категорий числа и принадлежности интересовала многих

тюркологов. Относительно ее решения высказывались различные мнения, которые, по нашему мнению, можно объединить в три направления.

Приверженцы первого направления признают, что современные формообразующие морфемы тюркских языков восходят к полнозначным словам (О. Бётлингк, В. Радлов, Н.К. Дмитриев, Э.В. Севортян). Например, аффикс типа татарского *-ча, -чә*, встречающийся в словах *кыш-ка-ча* (до зимы), *көн-гә-чә* (до самого (этого) дня), возводится к самостоятельному слову с реальным значением (*чак/сак/шак*) [Щербак 1977: 54]. Примерно такой же подход к возникновению аффиксов обнаруживается у Г.И. Рамштедта, считавшего, что тюркский аффикс множественного числа *-лар* восходит к монгольскому слову *нар*, обозначающего «совокупность, совместность» и употребляющегося в роли аффикса множественного числа в тех же языках [Рамштедт 1957: 59-60].

По нашему мнению, подобный подход к исследованию вопроса возникновения и развития формообразующих морфем не всегда оправдывается. При упомянутом подходе к решению истории развития аффиксов довольно часто вне поля зрения исследователей остаются такие важные вопросы, как механизм превращения полнозначных самостоятельных слов в соответствующие аффиксы.

Сторонники второго промежуточного направления (А.М. Щербак, Н.А. Баскаков, Л.С. Левитская) считают, что аффикс множественного числа *-лар* образован из аффикса *-ла*, участвующего в образовании от имен глагольных форм, и элемента *-р* с невыясненной этимологией.

Сторонники третьего направления считают, что в тюркских языках наблюдаются и такие языковые явления, когда отдельно взятый однофонемный элемент или иная часть аффикса осложненного типа в отдельных языках и диалектах может функционально заменить целый комплекс, состоящий из нескольких фонем, куда входит и данный элемент [Кононов 1954, 1969, 1971, 1974, 1976; Серебренников 1970, 1971, 1974; Киекбаев 1958, 1966, 1978, 1996; Благова 1968 и др.]. Например, по предположению А.Н. Кононова, аффикс

множественного числа *-лар* произошел в результате фузионного сплавления общеалтайских однофонемных показателей: *-л + -р*, а чувашск. *-сем* от *<сен <-с + -н* [Кононов 1969: 29].

Дж.Г. Кiekбаев отмечает, что широкий гласный *-а*, находящийся в составе аффикса *-лар*, восходит к показателю множественного числа [Кiekбаев 1972: 110], хотя, по мнению других лингвистов, он возводится только к соединительному гласному. На наш взгляд, показатель *-а* в составе современного аффикса множественного числа является показателем неопределенности, а неопределенность тесно связана с идеей множественности.

Вторая глава – «Место категории числа и принадлежности в системе грамматических категорий имени существительного в татарском языке» – включает в себя четыре параграфа.

В первом параграфе – «Хронологический анализ изученности морфологических категорий имени существительного в татарском языке» – дается историографическое описание таких основных категорий имени существительного, как категория числа и категория принадлежности. В большинстве случаев морфологические категории рассматриваются в отрыве от частей речи, т.е. они не трактуются как признаки той или иной части речи. Только в грамматиках И. Гиганова и И. Хальфина выделяются такие грамматические свойства имен, как род, число, падеж. Категория принадлежности долгое время не рассматривалась в качестве морфологического признака имени существительного. Аффиксы принадлежности квалифицировались как один из разрядов местоимений (слитные местоимения). До тридцатых годов XX века из морфологических признаков имени существительного указываются лишь категории числа и падежа, а в грамматиках Г. Ибрагимова и Дж. Валиди – лишь категория числа. В истории изучения частей речи особое место занимает работа Г. Алпарова. Он в именах существительных, наряду с категориями числа и падежа, смог выделить также и категорию принадлежности, представив образцы изменения существительных по этой категории.

Во втором параграфе – «Лексико-грамматические особенности имени существительного в татарском языке» – дается лексико-грамматическое описание отдельных категорий имени существительного. В морфологическом плане имена существительные в татарском языке, как и в остальных тюркских языках, характеризуются категориями числа, падежа, принадлежности и сказуемости. Как мы полагаем, в именах существительных также существует категория определенности-неопределенности, выраженная различными грамматическими средствами.

Особенностью собирательных имен существительных в форме единственного числа является способность выражения значения сплошного множества. Эта множественность воспринимается как единое, неделимое целое. Основным средством выражения этого значения выступает аффикс -лык. Например: *таш-лык*, *каен-лык*. Среди собирательных имен существительных встречаются и безаффиксальные: *гаскар* (войско), *көту* (стадо) и т.д.

В третьем параграфе – «Морфологическая категория числа имени существительного в татарском языке» – выявляются и описываются лексико-семантические и грамматические особенности форм единственного и множественного числа имени существительного в татарском языке.

Категория числа является одной из основных категорий имени существительного. Агентивное существительное в форме единственного числа способно выражать понятие множественности: *Башкортстан – язучыга* (*язучыларга*) *бай як* (Башкортостан – богатый край на писателя (писателей)).

Множественное число в именах существительных обычно выражает неопределенное множество (неединичность): *өйләр* (дома), *кешеләр* (люди), *атлар* (лошади). Противопоставление реальной единичности и множественности четко проявляется лишь в именах существительных, обозначающих считаемые предметы. Такие существительные имеют соотносительные формы единственного и множественного числа: *китап* (книга) – *китаплар* (книги), *өй* (дом) – *өйләр* (дома). Собирательные

существительные в форме множественного числа обозначают раздельное множество совокупных единиц. Например: *Безнең илдә халыклар үзара дус яшиләр* (В нашей стране народы живут между собой дружно).

В четвертом параграфе – «Морфологическая категория принадлежности имени существительного в татарском языке» – дается лексико-семантическая и морфологическая характеристика категории принадлежности.

Явление принадлежности в тюркологии получило статус грамматической категории благодаря Н.К. Дмитриеву, который охарактеризовал ее способной «...выражать одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя...» [Дмитриев 1948: 54].

Аффиксальный способ выражения посессивных отношений является основополагающим. Категория принадлежности представляется формами трех лиц единственного и множественного числа: I лицо *китаб-ым* (моя книга) – *китаб-ыбыз* (наша книга), II лицо *китаб-ың* (твоя книга) – *китаб-ыгыз* (ваша книга), III лицо *китаб-ы* (его/ее книга) – *аларның китаб-ы* (*китап-лары*) (их книга).

Формы посессивности первого и второго лица выражают определенность, так как формой первого лица выражается принадлежность предмета конкретно говорящему, а формой второго лица – собеседнику, т.е. слушающему. Для первого лица собеседник (слушающий) всегда представляется определенным, конкретным лицом. Однако, у формы третьего лица значение слишком широкое. Она указывает не только на третье конкретное лицо, не участвующего в речи, но также указывает на различные предметы, которые принадлежат ему.

Третья глава – «Категория числа и принадлежности имени существительного и происхождение их показателей в татарском языке» – включает в себя два параграфа.

В первом параграфе – «Возникновение и становление показателей категорий множественного числа в татарском языке» – исследуется процесс формирования современной формы множественного числа имени существительного татарского языка *-лар*.

В тюркских языках обнаруживаются явные следы показателей собирательной множественности [Серебренников, Гаджиева 1979: 90]. В древние времена их было несколько. По предположению Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой, таковыми являются форманты *з, к, л, р, с, ч, ш*.

Вопрос происхождения аффикса множественного числа *-лар* был предметом научных изысканий многих исследователей. Относительно решения данного вопроса было предложено немало гипотез и предположений. Их можно объединить в три группы. Сторонники первой склонны считать, что данный аффикс происходит из самостоятельного слова *нар* со значением «совокупность», существовавшего в монгольском языке. По мнению Г.И. Рамstedта, оно встречается и в якутском, в виде *наар* (вместе с, совместность), а в гольдском записано как *лари* (рядом у, вместе) [Рамstedт 1957: 59]. Такая точка зрения обнаруживается у таких исследователей, как Т. Ковальский, А.М. Щербак, Н.А. Баскаков, Э.В. Севортян и др.

Сторонники второй точки зрения (А.М. Щербак, Н.А. Баскаков, Л.С. Левитская) считают, что аффикс *-лар* образован из аффикса *-ла*, участвующего в образовании от имен глагольных форм, и элемента *-р* с невыясненной этимологией. Так, по мнению А.М. Щербака, в древнюю эпоху развития тюркских языков, значительное число корней одновременно выполняло функцию глагольных и именных основ [Щербак 1970: 129]. Как он полагает, функционирование элемента *-ла* из форманта множественного числа *-лар* в роли аффикса, образующего глаголы от имен вполне допустимо. Однако при таком подходе, остается невыясненным происхождение конечного элемента *-р* в составе аффикса *-лар*. В своих исследованиях Н.А. Баскаков высказывает два утверждения относительно происхождения исследуемого нами аффикса. Согласно первому утверждению, элемент *-ла* происходит из аффикса многократности *-кыла* «делать, действовать многократно», а *-р* «действующее лицо или предмет». В результате сложения этих элементов образовался сложный аффикс множественного числа *-лар* «действующие многократно предметы или лица > множественное число», например: *таш* «камень» + *-лар* =

камень + предметы, действующие многократно > камни» [Баскаков 1979: 91]. Согласно второму утверждению, данный аффикс образовался путем слияния аффикса образования глагола от имен на *-ла, -ле* и аффикса причастия будущего времени *-р*: *-ла + -р = -лар*. Например, *иш* «дело», работа», *иш-ле* «работать, производить работу», *иш-ле-р* «производящий работу ~ объекты производства работы», *иш-лер* «работы» [Баскаков 1979: 221]. На наш взгляд, подобное объяснение происхождения аффикса *-лар* является малоубедительным и оставляет много неясностей.

Приверженцы третьей группы (А.Н. Кононов, Б.А. Серебренников, Г.Ф. Благова, Дж.Г. Киекбаев и др.) утверждают, что аффикс множественного числа *-лар* происходит путем наращения одноэлементного аффикса на другой по мере утери грамматического значения первым. По их мнению, аффикс *-лар* образовался в результате фузии древнейших общеалтайских однофонемных показателей множественности (*-л* и *-р*), по Дж.Г. Киекбаеву *-л-а-р*. Мы также придерживаемся этой точки зрения.

В монгольских языках возникли сложные аффиксы множественного числа путем редупликации одного и того же простого показателя множественности: *-д-нар, -д-нар-ууд, -д-нууд* [Рамstedт 1957: 58]. В тунгусо-маньчжурских языках также обнаруживаются аффиксы множественного числа, которые образовались сложением простых показателей множественности *-с* и *-л*. Например, в эвенкийском языке формы множественного числа с аффиксом *-сал, -сол* употребляются параллельно с обычными формами на *-р*: единственное число *орон* (домашний олень) – множественное число *оро-р/оро-сал*; единственное число *мури* (лошадь) – множественное число *мури-р/мури-сал*. Они идентичны тюркским формам *билиң-из/билиң-лар*. Это показывает, что в составе аффикса *-сал* имеются два показателя множественного числа *-с* и *-л*.

Итак, можно сделать вывод о том, что тюркский, в том числе и татарский, показатель множественного числа *-лар* переживал становление в течение большого отрезка времени. В общеалтайскую и пратюркскую эпоху грамматическое значение множественности, видимо, выражался показателем *-л*.

Например: **ат-а-л* (кони), **када-л* (горы), **ура-л/үрә-л* (горы). Со временем показатель *-л* стал утрачивать свою семантику множественности. Затем к этой форме прибавился новый показатель множественности *-а, -э(-е)*, образовавший новый комплекс *-ла, -лә/-ле* (под влиянием губной гармонии *-ло, -лө*). Однако, аффикс *-ла* в значении множественного числа начинает терять свою функцию, оставляя за собой следы в говорах и диалектах тюркских языков. Он сохранился полностью лишь в балкарском и кумыкском языках, отчасти – в диалектах уйгурского языка [Тенишев 1963: 245]: *бала-ла* (дети), *чел-ле-де* (в пустынях).

Реликты аффикса *-ла* обнаружены в татарских и башкирских топонимических терминах в Республике Башкортостан. Например, *кырла* (гребни горы) или *кырла* (поля) четко видны в топонимических названиях *Озын кырла*, что означает название продолговатой горы с четырьмя гребнями в Гафурийском районе и в Чекмагушском районе около деревни Калмашбаш череда пригорков и полей. В этой связи, мы выдвигаем предположение о том, что в составе ойконима *Кырлай* и топонима *Кырлай урманнары* также обнаруживается аффикс множественности *-ла*, состоящая из древнего общеалтайского показателя собирательной множественности *-л* и показателя неопределенной множественности *-а*. На наш взгляд, элемент *-й* по теории определенности и неопределенности является показателем определенности. Этот показатель, присоединяясь к аффиксу множественности *-ла*, придает законченность этой морфеме и одновременно придает единичность образовавшегося топонима.

После утраты значения множественности аффикса *-ла* в тюркских языках (кроме якутского и чувашского) прибавился к этой форме новый показатель множественности *-р*. По всей вероятности, аффикс *-лар* – явление позднее, потому что в древнетюркских надписях данный осложненный аффикс употреблялся редко. Функцию множественного числа в праалтайскую и пратюркскую эпоху выполнял аффикс *-т*.

Следует заметить, что Дж.Г. Киекбаевым обнаруживается возможное образование формы множественного числа по монгольско-якутскому типу в башкирском языке от одного слова, но без аффикса *-тар*, *-тәр*, например, *ир* (муж, мужчина) и *ират* (из *ир-а-т*) (мужья, мужчины).

Мы также полагаем, что и в татарском языке от слова *ир* (мужчина) в прежние времена образовалась его форма множественного числа аналогичным путем: *ир-а-т* (мужчины). Однако в современном татарском языке имеется парное слово *ир-ат* со значением (мужчины). В этом слове часть *ат* в словообразовательном отношении имеет значение (конь). Видимо, этому способствовало восприятие древних тюрок коня как самого необходимого верного спутника в их жизнедеятельности. Теперь в этом парном слове часть *ат* (конь) совершенно утратила свое первоначальное значение и, являясь частью этого слова, участвует, на наш взгляд, в выражении некой множественности. Поэтому мы рассматриваем часть *ат* не как самостоятельное слово со значением «конь», а как слившуюся морфему, состоявшую из древних показателей неопределенности и множественности *-а* и *-т*.

По вопросу образования аффикса *-лык* высказано немало гипотез и предположений. Г.И. Рамstedт сближает тюркский *-лик* с тунгусским *-рук*. Н.А. Баскаков, признавая генетическую близость аффиксов *-лик* и *-ли*, высказал мнение о том, что аффикс *-лик* возможно связан с самостоятельным словом *лик* со значением «обильный, полный». На наш взгляд, близка к правильному объяснению происхождения аффикса *-лик* точка зрения В. Котвича. Он выделяет показатель *-л*, как аффикс множественности алтайских языков [Котвич 1962: 109].

Татарский лингвист Л.З. Залая, ссылаясь на высказывания А.Г. Бессонова о двусоставности аффикса *-лык*, *-лек*, где первая часть состоит из аффикса *-ла*, *-лэ* и аффикса *-к*, восходящего к самостоятельному слову *лак* со значением «место», также считает, что основным источником происхождения аффиксов *-лук*, *лук*, *-лык*, *-лик*, *-лу*, *-лу*, *-ла*, *-ле* является слово *лак*, *лаг* (место, удобство). В качестве подтверждения приводит такие примеры: *кышлак* –

кыш-лак(зимовье), *аулак* – *ау-лак* (место обитания зверей), *кашлак* – *каш-лак* (возвышенное место) и др. [Залая 2000: 71]. Как видно, в этой трактовке происхождение аффиксов *-лук*, *-лук*, *-лык*, *-лик*, *-лу*, *-лу*, *-ла*, *-ле* возводится к самостоятельному слову *лак*, *лаг*. Здесь не выяснена причина и, самое главное, путь превращения самостоятельного слова в аффикс. Естественно, что с таким объяснением происхождения аффикса *-лык* мы не можем согласиться. По нашему убеждению, сложный аффикс *-лык/-лек* в татарском языке по теории определенности и неопределенности происходил путем плеонастического слияния древнейших однофонемных показателей множественности *-л* и *-к*, а элемент *-ы/-е* является показателем определенности, указывающим на определенность предмета, находящегося в неопределенном количестве на данной территории: *чырыш-лык* (ельник), *имән-лек* (дубняк).

Аффикс множественного числа *-з* в исходе представлял собой звук *-т*, который развивался в родственных языках по схеме *-т > -д > -з ~ -р*.

Во втором параграфе – «Происхождение показателей категории принадлежности имени существительного в татарском языке» – исследуется формирование и становление аффиксальных морфем принадлежности в татарском языке.

В тюркских языках, в том числе и в татарском, при помощи специальных аффиксов одновременно выражается и предмет обладания, и лицо обладателя: *йорт-ым* (мой дом), *йорт-ың* (твой дом), *йорт-ы* (его/ее дом) и т.д. Такое понятие принадлежности может передаваться лексико-грамматическим способом: *минем йорт-ым* (мой дом) или *минем йорт* (мой дом) и др.

О происхождении и развитии аффиксов принадлежности имеется немало публикаций. Многие тюркологи по сегодняшний день склонны считать, что аффиксы принадлежности происходят из личных местоимений.

В татарском языкознании также утвердилось мнение, что аффиксы принадлежности всех трех лиц происходят из личных местоимений. Так, по утверждению Л.З. Залая, «нет никакой разницы в выражениях *мин килдем* (я пришел) и *минем килүем* (мой приход): аффикс лица (*-м*) в слове *килдәм*, а

также аффикс принадлежности (-м) в слове *килүем* образованы от одного и того же личного местоимения *мин* (я)» [Залая 2000: 32]. Мы не согласны с подобным утверждением. Оно, по сути, противоречит агглютинативному построению урало-алтайских языков.

На наш взгляд, аффиксы принадлежности -ым/-ем, -ың/-ең исторически состоят из двух элементов (-ы и -м, -ы и -ң), которые являются показателями определенности. По утверждению Дж.Г. Киекбаева, «...в тюркских языках -ы в составе аффиксов принадлежности -ым, -ың, -ымыз, -ыңыз, -ыгыз исторически также следует выделить особо, так как элемент -ы вошел в состав в этих аффиксов в результате сращения нескольких показателей определенности» [Киекбаев 1996: 275].

Форма принадлежности первого лица множественного числа образовалась от формы единственного числа путем присоединения общетюркского показателя множественности -(ы)з: *ата-б-ыз* (наш отец), *йорт-ыб-ыз* (наш дом). Ср. тур., азерб. *баба-м-ыз* (наш отец).

Аффикс принадлежности второго лица единственного числа -ң считается древним показателем определенности. Форма множественного числа образовалась от основы определенности на -г<*-ң: *бала-г-ыз* (ваш ребенок) и *йорт-ыг-ыз* (ваш дом).

Особенностью категории принадлежности третьего лица является наличие специального аффикса -ы и -сы: *ат-ы, бала-сы*. Аффикс -ы, который нами обнаруживается в винительном падеже огузских языков, и аффикс -ы, являющийся показателем принадлежности в тюркских языках, по мнению В.А. Богородицкого, имеют одинаковые корни. У формы принадлежности третьего лица множественного числа не имеется специального аффикса. При указании на множественное число обладателя (в единственном числе) присоединяется аффикс множественного числа -лар/-лар: *авыл-лар-ы* (их деревня), *күлләре* (их озеро). Здесь аффикс -лар указывает не на множественное число предмета, а на множественное число обладателей.

Форма типа *ата-сы* образовалась от более древней формы принадлежности на -с. Аффикс -с впоследствии утратил свое значение. Но он не исчез бесследно, а

образовал согласную основу определенности, к которой затем наращивался аффикс принадлежности *-ы, -и*, как и ко всем именам на согласную основу по общей модели, например, *ата-с-* и *ата-с-ы-* > *ата-сы* (его отец), *ини* (младший брат), *ини-с* и *ини-с-и* > *ини-си* (его младший брат) и т.д. [Киекбаев 1996: 273].

В заключении излагаются общие выводы диссертационного исследования.

1. В татарском языке, как и во всех урало-алтайских языках, показатели той или иной морфологической категории, помимо выполнения своей основной функции, способны выражать понятие определенности и неопределенности. Категория определенности-неопределенности представляет собой универсальное языковое явление и в отличие от индоевропейских языков выражается в татарском языке другими (фонетическими, морфологическими, лексическими и синтаксическими) средствами.

2. Идея фузионного развития тюркских языков, теория определенности и неопределенности находит свое реальное воплощение в становлении и развитии отдельных грамматических категорий в истории татарского языка.

3. Аффикс множественного числа *-лар* не возник путем присоединения и превращения самостоятельного слова *нар*, а образовался путем постепенного наращивания древних однофонемных показателей множественности и неопределенности по мере утраты значения каждого предыдущего показателя: *-л* (древнейший общеалтайский показатель множественного числа) + *-а* (показатель неопределенности и множественности) + *-р* (древнейший общеалтайский показатель множественного числа): *-л-а-р*.

4. Показатель множественности *-к*, соединяясь с другим показателем собирательной множественности *-л*, образует сложный аффикс *-лык*, выражающий обилие однородных предметов: *каен-лык* (березняк), *имән-лек* (дубрава, дубняк) и др.

5. Форма принадлежности первого и второго лица единственного числа в татарском языке образовалась путем сращения к основе показателя определенности *-м* и *-ң* (*кул-ым* (моя рука) и *кул-ың* (твоя рука)), а форма множественного числа – прибавлением таких показателей множественности, как *-з* к основе с показателем единственного числа на *-м* (*-б*), *-ң* (*-з*): *кул-ыб-ыз/кул-ым-ыз* (наши руки), *кул-ыг-ыз/кул-ың-ыз* (ваши руки). Аффикс принадлежности третьего лица *-ы*, как показатель определенности, является одновременно показателем и определенного винительного падежа в огузских языках в словах с конечным согласным: *ат-ы* (коня) и *ат-ы* (его коня) и др.

**Основные положения диссертации нашли
отражение в следующих публикациях:**

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Гаряев, Р.Н. История формирования аффикса множественного числа имени существительного *-лар*, *-ләр* в татарском языке / Р.Н.Гаряев // Вопросы филологии: Спецвыпуск «Регионы России-2». – М., 2006. – №6. – С. 123-127.

2. Гаряев, Р.Н. История развития некоторых аффиксов принадлежности в татарском языке / Р.Н. Гаряев // Вестник Башкирского университета. Научный журнал, том 13. – Уфа, 2008. – № 3, – С. 582-585.

3. Гаряев, Р.Н. Происхождение глагольных личных аффиксов, сказуемости и принадлежности имени существительного в татарском языке / Р.Н. Гаряев, Л.Г. Хабибов // Искусство и образование. – Уфа, 2008. – № 9. – С. 158-164.

Другие публикации:

4. Гаряев, Р.Н. История развития аффикса винительного падежа в языках кипчакской группы / Р.Н. Гаряев // Проблемы филологии народов Поволжья. Московский сб. научн. статей. Выпуск 1. – Москва-Ярославль, 2007. – С. 64-67.

5. Гаряев, Р.Н. Изел-Урал буйы төрки халыктары телендә зат алмаштарының тарихи үсеше / Р.Н. Гаряев // Ядкяр. Вестник гуманитарных наук Академии наук РБ. – Уфа, 2007. – № 2 (37). – С. 84-85.

6. Гаряев, Р.Н. История развития исходного падежа в северной подгруппе языков кипчакской группы / Р.Н. Гаряев // РАН Институт языкознания. Аспекты алтайского языкознания. Материалы Тенишевских чтений: Сб. ст. – М.: Советский писатель, 2007. – С.60-63.

7. Гаряев, Р.Н. Татар телендә сыйфат дәрәжэләренен барлыкка килү тарихы / Р.Н. Гаряев // Башкортостан укытыусыһы (Учитель Башкортостана). – Уфа, 2007. – № 9. – С. 62-64.

8. Гаряев, Р.Н. Тәртип саннарының тарихи үсеше / Р.Н. Гаряев // Филологическая наука конца XX - начала XXI вв.: проблемы, опыт исследования, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки РТ и РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Ш. Арсланова. – Елабуга, 2007. – С. 210-214.

9. Гаряев, Р.Н. Грамматик килешләрҙәге аффиксларның тарихи үсеше / Р.Н. Гаряев // Филологическая наука конца XX - начала XXI вв.: проблемы, опыт исследования, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки РТ и РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Ш. Арсланова. – Елабуга, 2007. – С. 215-220.

10. Гаряев, Р.Н. История происхождения основы глагола на -й настоящего времени изъявительного наклонения в татарском языке / Р.Н. Гаряев, Л.Г. Хабибов // Сулеймановские чтения: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. – С. 198-200.

Отпечатано с оригинал-макета. Подписано в печать
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. 1,2 л. Тираж 100 экз. Заказ №.

Печать, брошюровка и переплет минитипографии
ГОУ ВПО «Тобольского государственного педагогического института
им. Д.И. Менделеева»
626150, г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

0 =